

В ТРОЛЛЕЙБУСНОМ КОЛЬЦЕ

I

В тот день он снова не выполнил план, не обошел и половины троллейбусов, курсировавших по Садовому кольцу, не подобрал и половины валявшихся на полу билетов... Если так будет продолжаться дальше, его просто выгонят: кому нужен такой работник!

Но что делать, как успеть, когда такая давка - только нагнешься, как тебя чуть с ног не сбивают... Каждый спешит, никому до тебя нет дела, у каждого своя работа, свои заботы.

Его работа состояла в том, чтобы подбирать билеты.. Он должен был обойти все троллейбусы "Б", чтобы быть уверенным, что ни в одном из них не валяется на полу оброненный билет. Работа начиналась в 8 и кончалась в 17. Потом, по-видимому, заступал кто-то другой. Это его уже не касалось... Его смена была с восьми до пяти. Один час - на обеденный перерыв.

Как работник транспорта он, конечно, имел право на бесплатный проезд. Ему приходилось иногда перебежать с троллейбуса на троллейбус, возвращаться назад, ехать срочно на конечную остановку, чтобы поймать там недосмотренный троллейбус, предпринимать массу всяких ухищрений, чтобы сделать все от него зависящее и тем не менее никогда не быть уверенным, что где-нибудь на ступеньке или под лавкой, или в проходе не валяется незамеченный билет. Такая уж была его участь: никогда он не мог быть спокойным, вечно его терзало подозрение, что он что-то пропустил, что-то недоглядел.

Было бы значительно проще, если бы круг его обязанностей был установлен более точно: проехать, скажем, с первой до последней остановки в пяти или семи троллейбусах и отвечать только за них. Это было бы разумнее во всех отношениях. Но, что поделаешь: не он придумал эту работу. Кому-то видимо было так удобнее - все троллейбусы "Б" числились за ним, он должен был побывать в каждом из них и желательно не по одному разу.

Он не жаловался... В конце концов, эта работа была не хуже многих других. Взять хотя бы одну из его соседок по квартире, она работала кассиршей: весь день сидела в своем закутке, спрашивала в какой отдел, шелкала на счетах... Разве же это лучше?

Другая соседка работала в столовой на Колхозной площади, на раздаче. Он и сам часто ходил в эту столовую во время обеденного перерыва. Это было удобно, потому что столовая находилась, как раз, напротив троллейбусной остановки и можно было пообедать, не теряя зря времени. Но сам-то он ни за что не согласился бы работать в магазине или столовой. Работа на одном месте была не для него: ему нужно было двигаться, ездить, менять обстановку... В этом, в конце концов, и состоит смысл всякой работы. Потому-то и страшно, что тебя могут уволить. Ведь дело не в том, что не на что будет жить - проживешь как-нибудь, и так гроши получаешь. А вот некуда будет идти, нечем будет заняться - вот в чем ужас. Это ведь только одни разговоры, что дома столько дел, что век не переделаешь. Ерунда! Дома долго не просидишь - стены задавят... А идти на улицу без дела - тоже глупо. Работать нужно, без этого не проживешь... Если бы только можно было получше все устроить... Но как? Куда обратиться?

Он несколько раз пытался думать об этом, но ничего не получалось. Мысли разбегались, так что он даже не мог сообразить, кто же назначил его на эту работу, кто указал, что он должен делать то-то и то-то, приходить тогда-то и уходить тогда-то. А ведь был же кто-то, не сам же он все это выдумал... Но когда пытался размышлять, становилось как-то беспокойно, как-то не по себе, как будто внутри сдвигалось что-то, и даже начинало немного мутить. Поэтому, попытавшись раза два-три все выяснить, он понял - занятие это не для него... Да, в конце концов, - какое это могло иметь значение. Он и так прекрасно знал, что на работу ходить нужно, знал куда и к какому часу идти, знал, чем заниматься.. Что же еще?

Были у него, правда, подозрения, что он делает что-то не совсем то. Но у кого не бывает таких подозрений? Думать об этом - только мозги ломать. Приходила иногда мысль, что не нужно вообще ничего делать: все равно - делай не делай - все равно. Но мысль эта была так отвратительна, что он старался отделаться от нее. Да она и сама, как правило, долго не задерживалась.

Нет. Не всегда. Иногда задерживалась. И не только задерживалась, но и как будто прижимала и расплющивала его. И тогда он лежал, не вставая, день, два, три. И такая была мерзость вокруг и внутри: все плыло в какой-то блевотине, и хотелось только одного - заснуть, чтобы не просыпаться.

А потом проходило. Просыпался утром, и как будто ничего не было. И сразу все забывалось. Трудно даже было вспомнить - что, из-за чего? Да и вспоминать не хотелось. Все как будто отскакивало, и нужно было снова идти на работу. И это было хорошо!

*   *
*
*

В тот день он не мог задержаться на работе: ему надо было успеть в Политехнический музей. Там была какая-то выставка, что-то относящееся к троллейбусам. Нельзя сказать, чтобы эта выставка слишком его интересовала, но он договорился встретиться там с одним человеком... Вернее, этот человек сказал, что ему надо сходить на выставку и намекнул, что сам тоже придет туда.

Человека этого он раньше никогда не встречал. Разговорился с ним в троллейбусе случайно, заметив, что того, видимо, интересует суть его работы. И когда рассказывал о работе, тот ни разу не улыбнулся, кивал головой, был как-то даже печален, будто сочувствовал чему-то. Ему даже захотелось подбодрить этого человека, сказать, что, дескать, ничего, не переживайте, не такая уж эта плохая профессия.

Потом ему показалось, что человек колеблется, сказать или не сказать что-то. А потом возьми и скажи насчет этой выставки, что-де мол ему, очевидно, стоит сходить туда... и посмотрел при этом как-то значительно. А потом добавил, что и сам, видимо, тоже будет там.

А он, не подумав, сразу и согласился, и даже вид сделал, как будто выставка эта его очень заинтересовала. И, когда с троллейбуса сходили, то еще раз, сам уже, никто его на это не толкал, подтвердил, что сегодня же вечером обязательно придет, и время уточнил, до которого выставка открыта... И

человек этот голову наклонил и глаза прикрыл в знак того, что они договорились и вечером снова увидятся.

Как только он сошел с троллейбуса, то сразу же понял, что договорился совершенно напрасно. На что ему нужна эта выставка и человек этот? С какой стати туда идти, кто его за язык тянул пообещать?

Но так уж он был устроен: коль скоро какой-то план складывался у него в голове, не от него зависело переменить его. Хотел он того или нет, но вечером должен был быть в Политехническом музее. И все же до чего не хотелось ему идти, до чего нелепо все это получилось!

Он начал было уговаривать себя, но запутался, и впал в такую тоску, что прямо хоть возьми да и ложись под автомобиль.

Спасла, как всегда, работа... Пока бегал с троллейбуса на троллейбус, пока соображал, какой из них где перехватить, - полегчало! В конце концов, может быть не так уж ужасно все и сложилось, может быть в этой выставке и действительно какой-то интерес есть... Если бы только успеть закончить все дела пораньше и после работы немного отдохнуть.

Куда там!.. Он едва успел забежать домой и выпить стакан чая, как нужно было во всю спешить, потому что в семь часов выставка закрывалась.

К метро было ближе идти проходным двором, но он предпочитал сделать какой угодно крюк, чтобы только не идти там. Слишком хорошо он помнил, как по этому двору за ним однажды весь вечер гонялись ребята, "Ванька, Ванька, - кричали они - посмотри, вон валяется билет... Ванька, Ванька". Он откликался, хотя на самом деле его звали совсем не так. Кто-то из ребят вытащил из кармана пачку троллейбусных билетов и кинул ее, так что билеты разлетелись в разные стороны. Ребята бросились поднимать их, хохоча и сбивая друг друга с ног. И, хотя ему было совершенно не смешно, он тоже хохотал вместе с ними, надеясь, что так они скорее оставят его в покое. В конце концов они действительно от него отвязались, но с тех пор он за версту обходил все проходные дворы.

Когда втиснулся в вагон метро, бессмысленность всей этой затеи представилась ему совершенно очевидной... Надо было быть полным идиотом, чтобы дать уговорить себя на такое дурацкое мероприятие.

- Ладно, ладно уж, раз так получилось, что же теперь поделаешь,
- пытался он уговорить себя. - Зайду туда на минутку, на экспонаты и глядеть не буду, на черта они мне сдались! Выясню у этого типа, что он от меня хочет, - и сразу же домой... Приду и лягу.

"Проспект Маркса, следующая остановка – Площадь Дзержинского", - услышал он и стал пробираться к выходу.

Около входа в Политехнический музей толпился народ, но того, кого ожидал встретить, он узнал сразу. Этот человек стоял немного поодаль, закрывшись газетой. Он подошел к нему вплотную. Газета опустилась. Это был незнакомый старичок в очках...

Он вошел в вестибюль музея. Группа людей стояла около гардероба и кого-то прикрывала... Он пошел прямо на них. Люди расступились, за ними никого не было.

.....

Он уже с полчаса ходил по залам музея, чувствовал на себе взгляды разных людей, но никто не подходил к нему, никто его ни о чем не спрашивал.

Как ни невнимателен он был к тому, что демонстрировалось на выставке, но все же заметил, что все это имеет очень мало отношения к троллейбусам. Из обрывков разговоров, которые слышал, он понял, что это была выставка японского оборудования, в том числе и автомобильного, но уж совсем не троллейбусного... В центре одного из залов была выставлена японская гоночная машина.

Людей на выставке становилось все меньше... Он подумал, что этот человек, наверное, придет, когда совсем опустеет.

Около гоночной машины стояла парочка... Молодой человек пытался подтолкнуть девушку, чтобы та села на сиденье машины. Девушка хихикала и сопротивлялась. Неожиданно раздался звонок.

«Граждане, уже семь часов. Мы закрываемся. Просим всех освободить залы»

Он остался один у гоночной машины. "Как? Что это значит?... Можно идти?"

« Молодой человек, вы здесь что, ночевать собираетесь?»

К нему подходил пожилой человек с красной повязкой на руке.

Нет, он не собирался здесь ночевать... Надежда шевельнулась в его душе. Не останавливаясь и не глядя по сторонам, он прошел в гардероб, и через минуту улица поглотила его.

Он шел в блаженном, расслабленном настроении, подшучивая над собой и ухмыляясь.

«Вот дурачок... Это же надо такое придумать! С чего взял? Зачем себя так напугал? Кому ты нужен? Кому нужно за тобой следить! Подумаешь, персона какая...»

Вечерний город плавно и спокойно уходил в ночь. Метро приняло его как гостя, и он с удовольствием развалился на сидении. В сущности, не так уж плохо прошел этот день... С утра он хорошо поработал. После обеда, правда, дела как-то не клеились. Ну да ничего - завтра навестаем... После работы сходил на выставку. С выставкой, правда, немного сплеховал... Он снова улыбнулся: «Ой, болван! Не можешь как все люди... И экспонаты-то толком не посмотрел. Только и запомнил, что гоночную машину. Ну да ничего, наверно не последний день эта выставка открыта... Можно будет еще как-нибудь сходить. Может быть, действительно, и этот гражданин придет. Ведь он наверное из лучших побуждений посоветовал... Ой, и болван же я ...»

Он вспомнил, как нервничал, когда бежал к метро. Теперь-то спешить не будет: прогуляется не торопясь, придет домой, чайку попьет - и ко сну.

Интересно, достроили этот дом, на улице Льва Толстого... С лоджиями он будет или нет?

Он начал придремывать и чуть не проехал свою остановку.

II.

Осенью работать было особенно трудно: рано темнело, пассажиры, входя в троллейбус, тащили за собой грязь, а подбирать в ней билеты было довольно-таки мерзко, не говоря уже о том, что ничего не стоило пройти мимо, не заметив их... После осмотра каждого троллейбуса на руки было прямо-таки страшно взглянуть... Как естественно было бы установить на маршруте какие-нибудь небольшие кабины с умывальниками, где такие вот, как он, специалисты

по сбору билетов могли бы умыться и привести себя в порядок. Но ничего такого не было. Приходилось пользоваться общественными уборными, а он всегда брезгал местами людских сборищ. Хватало с него и того, что вся его работа проходила на людях.

Пассажиры, правда, казались ему совершенно особым сортом людей... Переступая порог троллейбуса, они приобщались к миру, служению которому он себя посвятил... Он воспринимал их как гостей, как учеников - капризных, неблагодарных, но не чужих. По недостатку воспитания или по небрежности они бросали билеты на пол, он подбирал их, и складывал у себя дома на книжной полке, потому что ни одна вещь, созданная человеком, не должна быть брошена на пол и втоптана в грязь... В сущности говоря, он делал то же, что делает всякий человек на своем рабочем месте: поддерживает то необходимое равновесие, без которого мир этот давно бы уже погряз в хаосе.

Но за пределами троллейбуса, все люди казались ему чужими. Со своими соседями по квартире он почти совсем не разговаривал. О чем ему было с ними разговаривать?... Приходя домой, он сразу же запирался у себя в комнате, и самым большим счастьем было, когда ни один звук снаружи не проникал к нему. Не зажигая света, он садился на диван, подкладывал под спину подушку и чувствовал, как внутри начинала появляться и расти пустота. Все события минувшего дня и многих других дней, и разные мысли и воспоминания, беспорядочно толпившиеся в голове, слипались в большие пласты и постепенно отваливались, делая его все более и более полым... И сам он превращался в пустоту, ничем уже не связанную с жизнью, окружавшей его. И хотя жизнь эта, как грязная клоака, продолжала проявлять себя в криках на улице, в визге магнитофона за стеной, он делался безразличен и нечувствителен к ней... Становясь пустотой, он поднимался над крышами домов, а потом - выше, еще выше; и мир, увиденный с этой высоты, уже не казался ему гнусным и омерзительным. Он иногда словно переносился в какие-то иные пространства и видел другие города, и черепичные крыши, и улицы, которые почему-то казались ему знакомыми,... но тут он знал, что надо остановиться: это начиналась дремота, а он не любил дремоту. Она была заманчива, но коварна: в любой момент могла обернуться какой-нибудь гадостью. Он любил быть пустотой... И так уж у него было заведено, что когда он приходил с работы, никто не входил к нему в комнату, чтобы не мешать ему.

Соседи не понимали, что с ним происходит. Они думали, что ему скучно и поначалу заходили, чтобы развлечь его. Но он каждый раз встречал их так неприветливо, что постепенно отбил охоту делать это. На самом деле ему никогда не было скучно с самим собой, он никогда не нуждался в другом человеке. Ему и себя-то было слишком много, он и от себя-то уставал безмерно. Но и счастлив он был тоже сам в себе, сам с собой. Или, вернее, он был счастлив, когда освобождался от себя, когда становился ничем, когда становился пустотой.

Где им было понять это. Они видели счастье в том, чтобы делиться друг с другом тем, что с ним происходило, браниться на кухне или смотреть свои телевизоры. Или, может быть, у них было еще что-то свое, чем они были счастливы - он этого не знал, он никогда не интересовался их жизнью, они для него не существовали.

Входить в комнату разрешалось только одной соседке - той самой, которая работала в столовой на раздаче. Она прибирала и иногда приносила ему что-нибудь поужинать. Так повелось еще с тех пор, когда была жива его мать. Они были дружны: мать и эта соседка... Мать была, конечно, намного старше, и соседка приходила жаловаться, что муж ее бросил, а мать утешала ее и говорила, что без мужа, может быть, и лучше. И сама жаловалась на здоровье и на то, что подумать боится, что с ним будет, когда ее не станет... А с ним тогда, действительно, было плохо. Он тогда еще не устроился на работу и по целым дням без толку шатался по улице или валялся на кровати.

И когда мать увезли в больницу, то соседка два раза водила его туда, а когда мать умерла, то никак не решалась сказать ему: все ходила по комнате, что-то вытирала, что-то передвигала... и была поражена тем, как равнодушно он отнесся к известию. И на похороны притащила его почти силой. (Он тогда только что устроился на работу, и очень боялся опоздать или пропустить). И на похоронах все были поражены, какой он бесчувственный и равнодушный... А он пришел потом, вечером на это кладбище, когда там никого не было, и плакал как безумный и зарывался лицом и руками в свеженасыпанную землю, и не из-за того, что ему так уж мать было жалко, а потому, что уж очень жить не хотелось, и не хотелось возвращаться назад в этот мерзкий дом, в эту пустую комнату...А утром он снова пошел на работу, и в первый раз в жизни понял, какое это великое счастье и освобождение.

III

Он проснулся бодрым, и пока лежал, продумал все, что предстояло сделать за день. Думать об этом было приятно: сознание сосредоточено, мысли не разбегаются... Он представил себе весь день, шаг за шагом: как встанет, как придет на работу, как поздоровается с водителем первого троллейбуса, как осмотрит проход между лавками, как извинится перед сидящими пассажирами и взглянет, не валяются ли билеты у них под ногами, как пройдет в хвостовую часть троллейбуса... Он старался как можно яснее увидеть все детали этой картины, и когда она вполне проявилась в сознании, погасил ее, так что сознание стало пустым, и он знал, что надо встать, иначе в эту пустоту начнет ползти какая-нибудь ерунда, и тогда весь день может быть смазан.

Он вышел на улицу с ощущением какой-то легкости... На троллейбусной остановке стояли люди. Он подошел к ним, как будто он был такой же обычный пассажир, как и они все. Как будто для него троллейбусы тоже были простым средством передвижения, а не его работой, не его призванием.

Он прислонился к дереву и стал ждать, какой из троллейбусов придет первым. Он знал их все в лицо. Все они были его подопечные, его дети: большелобые, упрямые, иногда нелепые, каждый со своим характером, со своими причудами... Взять, например, - «Упрямец», вечно у него оглобля отлетает..... Ох, однажды была история! К какому-то параду, кажется, готовились. На улице народу - тьма-тьмушая. Милиция, толкучка... И, конечно, Садовое кольцо, как всегда, разворочено. Метро, что ль, строили, или переход подземный - движение в один ряд туда, в один ряд обратно. А он посреди этого коридора взял и оглоблю сбросил. Искры посыпались, все остановилось, загудело, засвистело - конец света! Милиционеры сразу подбежали. Они как раз в это время движение перекрывали. Танки, наверное, должны были идти. Водитель выскочил, как полоумный. Стал за вожжи дергать. Еле-еле оглоблю на место поставил. Бросился назад в кабину. Тронулись. Тут, наверное, у всех от души отлегло: и у милиционеров, и у водителя. Слава те Господи - все обошлось. А он еще пятнадцать метров проехал и опять оглоблю сбросил! Ну было дело!

Но в то утро первым пришел не «Упрямец», пришел «Джентльмен». Это он его так назвал - «Джентльмен». Он и был джентльмен, иначе и не назовешь: корректный, быстрый, всегда у него все в порядке. Внутри - тепло, чисто. Пассажиры, как в него входили, сразу чувствовали, что здесь надо вести себя достойно.

С «Джентльменом» он долго не провозился: ни одного билета на полу не валялось. У заднего сиденья почему-то валялся окурок. Он его подобрал и вышел на улицу около метро "Парк культуры". Следующий троллейбус еще не появился, и он снова прислонился к дереву и стал смотреть на бегущие мимо автомобили. Вот уже и начался рабочий день. Еще три-четыре троллейбуса- и обеденный перерыв. А там и конец рабочего дня уже не за горами.

Так вот и бегут дни. Иной тянется, тянется - конца ему нет, а оглянешься назад, кажется, что промелькнул он как мгновение и счет уже пошел на годы. И не помнишь толком, когда что было: одно мелькание только. С троллейбуса на ходу спрыгнул и ногу подвернул- это когда было? Два года тому назад или четыре - теперь уж не сообразишь! Ведь он уже сколько лет на троллейбусах работает, а кажется, только вчера в первый раз поднял брошенный на пол билет... Случайно совершенно, почти машинально. Увидел, что валяется на полу билет. Нагнулся и поднял: сначала один, потом соседний и уже искал глазами - не валяется ли где-нибудь еще... С этого все и началось. Тут-то он и понял, что билетами этими можно связать расплзающиеся минуты, что сбором их можно сдвинуть с места останавливающееся время. Что это и есть его жизнь, его работа, что для этого-то он и призван на свет Божий, как кто-нибудь другой призван быть летчиком или главой правительства... Тут-то вот и завязался узел его дней, тут-то и влился смысл во все, что раньше было пустым времяпрепровождением. Только тут он и понял, зачем встает утром и ложится вечером... Все сразу обрело смысл, все стало на свое место!

Он стоял, прислонившись к дереву, и смотрел на бегущие мимо автомобили... На дворе был один из тех октябрьских дней, которые как будто выпадают из жизненной рамы и существуют словно сами по себе. И каждая мысль, которая начинает думаться в такие дни, существует будто сама по себе и тихо растворяется в созерцании, как растворяются тропинки, остающиеся в небе после пролетевшего самолета, как растворяется душа навстречу покою и надежде.

Он стоял и думал о том, как красиво должно быть сейчас за городом. В ближайшее же воскресенье, с самого утра отправится куда-нибудь на весь день, чтобы бродить по лужайкам и перелескам, смотреть на остановившиеся дали... Ведь сам Господь в эти дни любит красоту мира, который создал...

Он думал о том, что, в сущности, ему грех жаловаться на жизнь - ведь в самом главном все у него складывается удачно... Как хорошо, например, что он работает на троллейбусах! Не на этих выскочках автобусах и не на мрачных, загнанных на периферию трамваях, придавленных своей неполноценностью, а именно на троллейбусах: важных, неспешных, никого не обгоняющих, плывущих, как лебеди, по кругам своим...

Он обошел еще несколько троллейбусов, пообедал, поработал еще часа два и, проезжая мимо часов на Смоленской площади, увидел, что четверть шестого и что рабочий день его уже пятнадцать минут как кончился.

Можно было идти домой, а он не чувствовал себя ни капельки усталым: казалось, еще только вошел во вкус, еще бы работать и работать. Ну, да всего не переделаешь!... Он пошел к передним дверям, чтобы посмотреть, не валяется ли окурочек в кабине водителя. Это не входило в его обязанности, но он всякий раз делал это перед концом работы просто так, из чувства профессиональной солидарности... Увидев его голову в кабине, водитель весело закивал ему: все-де мол в порядке, все нормально. Это был хороший, простой малый - они были друзьями. Он тоже помахал ему: пока, мол, до завтра.

У выхода из троллейбуса, позади него, стояла пожилая интеллигентная на вид женщина. В левой руке она держала черную сумку, а правой опиралась на палочку. Сойти с подножки, видимо, было для нее делом не таким-то простым, и это ее беспокоило. Как только дверь открылась, он быстро соскочил на тротуар, уверенным движением взял сумку из рук дамы и, подав руку, помог ей благополучно сойти с троллейбуса.

« Большое вам спасибо, - воскликнула дама. - Вы очень, очень любезны. »

Он улыбнулся ей: о чем тут говорить, всякий на его месте должен был бы поступить так же.

Он шел по тротуару, чувствуя на себе ее восхищенный взгляд. Ну что ж! Такой уж он человек: легкий, сильный, всегда готовый всем прийти на помощь... Он быстро взбежал по лестнице. Конец этого дня представлялся

ему таким же ясным, как и его начало: сейчас немного отдохнет, попьет чаю, а вечером ходит на последний сеанс в клуб "Каучук". Там идет какая-то новая французская комедия. Чепуха наверно, ну да наплевать. Приятно после дельно проведенного дня расслабиться в полутемном зале, а потом не спеша возвращаться через Девичье поле, думая о воскресной поездке за город.

Когда он открыл парадную дверь, то услышал на кухне голоса соседей, которые сразу же смолкли, как только он вошел в коридор. Очевидно, соседи прислушивались - кто пришел. Ему вдруг захотелось зайти к ним, поделиться своим хорошим настроением, запросто поболтать о том, о сем. Он даже на секунду задержался в передней, но потом раздумал и прошел к себе в комнату.

Что поделаешь, трудно вот так сразу взять и изменить себя, повести не так, как вел себя всегда, быть не таким, каким люди привыкли тебя видеть... Так уж получилось, таким уж он утвердил себя в их глазах, да и в своих собственных: человеком мрачным, необщительным, запирающимся в комнате сразу после работы и ни с кем не желающим разговаривать... Поведи он себя иначе, они чего доброго начнут приставать к нему и тогда, когда ему этого совсем не будет хотеться... Страшно, очень страшно увидеть себя другим, не таким, каким ты привык себя видеть, так же страшно, как выйти на улицу голым или совершить какой-то поступок, который сможет настолько все изменить в твоей жизни да и в тебе самом, что и сам перестанешь понимать, кто же ты такой .

Да и едва ли бы ему удалось поболтать с ними запросто. Можно представить, какие у них сделались бы лица, войди он к ним на кухню. Они бы, наверное, начали переглядываться, ждать, что он сейчас выкинет какой-нибудь номер. Начали бы пожимать плечами, задавать какие-нибудь нелепые вопросы... Они способны испортить все, к чему бы ни прикоснулись...

Он почувствовал, как раздражение поднимаются в нем. Еще минута, и все хорошее настроение этого дня было бы перечеркнуто...Он повернул выключатель. Комната осветилась, и он увидел, что в его отсутствие соседка все почистила и прибрала, все поставила и положила так, как он любил, так, как он привык... Ему снова стало хорошо.

Да, конечно, хотя он и неразговорчивый человек, но люди, которые живут с ним, уважают его привычки, знают его особенности... А, да все это пустяки! Хорошо. Все хорошо. Он выключил свет и, положив под голову подушку, с удовольствием растянулся на диване.

IV

Она обещала придти к семи, но все приготовления к встрече он закончил уже к шести... В этот день он специально пришел на работу на час раньше, чтобы на час раньше и уйти. Он знал, что это разрешается... На обратном пути ему посчастливилось купить небольшой букетик астр, что сразу же очень украсило его комнату... Он подумал, что мог бы позволить себе это и без особых поводов: всего несколько цветочков, а комната имеет совсем другой вид. Даже странно! В его комнате было все, что нужно: стол, на котором ел, диван, на котором спал, несколько стульев и старый комод, в который он почти никогда не заглядывал, но знал, что там лежит белье. На комодe стояло несколько слоников по росту, от большого к маленькому и вставленная в рамку фотография его матери.

Это была любительская фотография, сделанная в начале войны. Мать выглядела на ней еще совсем молодой женщиной в костюме санитарки.

На стене висела книжная полка, почти целиком заставленная стопочками троллейбусных билетов. Каждая стопочка содержала билеты, собранные за одну неделю. Билеты были аккуратно перевязаны ниткой и сложены по месяцам и годам. Все это хозяйство содержалось в большом порядке, так что случись какая-нибудь ревизия, никаких осложнений с отчетом у него бы не было.

Раньше в комнате была еще большая кровать, на которой спала мать. Но после ее смерти соседи забрали кровать, сказав, что ему она больше не понадобится, а на ее место поставили маленький застекленный шкафчик с посудой... Был даже телевизор, который он, правда, никогда не смотрел, так что даже не знал, работает ли тот.

Короче говоря, было все, что нужно человеку; не хватало, пожалуй, только чего-то живого. И вот эти несколько цветочков... Из комода он вытащил большую белую с голубыми полосами скатерть и постелил ее на стол. Скатерть эта сразу же напомнила ему про неприятное: после смерти матери соседи устроили поминки... Ему было омерзительно вспоминать это, но другой скатерти не было... На скатерть он поставил свой букет. К сожалению, не нашлось вазочки и ему пришлось поставить цветы в бутылку из-под молока.

Потом он достал две чашки с блюдцами и розетки для варенья...Он не знал, какое варенье она предпочитает, и накануне долго мучился, обдумывая этот вопрос... На его счастье, никакого выбора в магазине не было, и он купил конфитюр -ассорти, надеясь, что при первом свидании она не будет слишком требовательна.

Итак, все приготовления были закончены, и оставалось только ждать... Когда она придет, он усадит ее на диван и будет рассказывать про себя. Будет рассказывать то, что раньше никогда и никому не рассказывал. Будет говорить с ней как с самим собой, но только лучше, намного лучше... С самим собой он и так каждый день разговаривает, а тут он будет говорить с ней - это совсем другое дело. Может быть, она захочет посмотреть телевизор... Он повернул ручку выключателя и тут же вспомнил, что у него нет сахара. Может быть, можно успеть сбежать. А если она придет пораньше? Он наклонился, чтобы достать сахарницу и вдруг услышал сзади себя страшный хрип, и громкий голос, выкрикивающий что-то нечленораздельное. Душа у него ушла в пятки. Полуживой от страха он повернул голову и ... О радость! Работает, работает! А он совсем про него забыл... Э! Да и сахара немного есть. Все хорошо, все хорошо... Он выключил телевизор и поправил подушки на диване... Уже половина седьмого. Через полчаса... Даже не верится.

Она не сказала прямо, что придет сегодня в семь часов. Может быть, стеснялась своей тетки, его соседки, к которой и приходила в тот день, когда назначила ему свидание. Она вообще ни разу не обратилась к нему непосредственно, но несколько раз посмотрела на него, когда он выходил на кухню, улыбнулась ему, а потом, когда уходила, (а он в это время тоже почему-то толкся в передней), несколько раз громко назвала сегодняшний день, а потом, уже потише, и время - семь часов и снова посмотрела на него. Что еще нужно было говорить! В том-то и дело, что он был человек, который все понимал с полуслова. Иногда даже и полуслова-то было не нужно! Интонация, брошенный вскользь взгляд - и ему уже все ясно... А если сразу неясно, то потом сколько ни говори, сколько ни объясняй, все равно ничего понятнее не станет.

У него и работа была такая: все время в напряжении, все время на нервах, ничего не пропустить, ничего не проглядеть, все про каждого пассажира понимать, каждого их них чувствовать... На такую работу не всякого брали,

здесь нужны были люди особые, такие вот как он. Здесь приемных экзаменов не устраивали - сразу все про тебя понимали, и ты должен был сразу про всех все понимать.

И он не только про людей, он и про животных так все понимал. Когда у них в квартире ремонт делали, (он еще тогда маленьким был) , мать услала его жить к тетке. И там у них собачонка была, не породистая какая-нибудь: самая обычная, простенькая такая - дворняжка. Но такая умная, такая тонкая собачка. Он все время ее понимал, все ее переживания, как свои чувствовал. Бывало все сядут обедать, а она около стола стоит, и он весь- как на иголках, есть совсем не может, все время чувствует собачку, чувствует, как она переживает, что ее не кормят. И ночью тоже чувствовал, как собачка томится, как ей не по себе, и от этого ему еще в десять раз больше не по себе, и он не спит совсем. Под конец из-за этой собачки так извелся, что мать еще до конца ремонта его домой забрала. А другие совсем собачку не чувствовали: покормят ее в углу в передней, выпустят погулять, а в остальное время как будто ее и нет вовсе.

Он взглянул на часы. Три минуты восьмого.

А если она не придет?

Вздор, вздор. Она же ведь сказала!

А если она не придет?

Так не бывает, ведь он же знает...

А если она не придет?

Не может она не придти, она ведь твердо обещала.

И тем не менее, если она не придет, тогда что?

Не знаю, не знаю...

Он поежился и подошел к столу.

А если она не придет?...И в это время в передней раздался звонок.

Камень упал у него с души... Он бросил последний взгляд на свою комнату и побежал открывать.

Но это была не она. Это пришел из школы соседкин сын. Звонил зачем-то в дверь, хотя у него был ключ.

Он вернулся в комнату. Что-то произошло за это время. До этого момента он все время общался, беседовал с кем-то. А тут вдруг прервалась эта беседа.

Ему стало сильно не по себе: как будто пробежало что-то от груди к низу живота, и потом засосало внутри, и пошло ознобом от спины к шее и опять в грудь...

А если она не придет? Да она наверняка не придет... Теперь уже ясно, что не придет. Да с чего ты взял, что она придет? Идиот. Троллейбусный идиот... Она обещала! Ха-ха. Что она тебе обещала? Ха-ха...Идиот... Диот... Диот. Что такое «диот»? Лампа какая-то в телевизоре... Она будет смотреть телевизор. Ха-ха...

Внутри у него все прыгало: в груди, в спине, он не мог собрать себя, все тряслось... Идиот! Идиот! Он повалился на диван. Ах, так! Ах, если так!... Он почувствовал у себя под пальцами живой, подвижный стержень. Ах, она не придет - ну и не нужно... Ну и черт с ней!

И сразу, как только начал делать это, он снова себя ощутил, и вся мерзость внутри него и на стенах сразу приобрела форму, напряглась, вытянулась вдоль стержня, заходила, затряслась... Больше, больше... Еще больше. И вдруг лопнула, провалилась вся, и внутри него одна пустота осталась, и он сам в эту пустоту превратился. И пошел туман какой-то: зимний день, и он с матерью за городом, лыжники с гор катаются... И он вырастет и будет лыжником, а с картинки Брема на него лев смотрит, и он льву очки пририсовывает, а дорожка дачная пахнет вечером, и мальчики большие на площадке в волейбол играют, а ему нельзя подходить к ним близко, а вечером он пойдет пароход смотреть...

А она не придет: ни сегодня, ни завтра - вообще никогда не придет. И опять изнутри все накручивается, натягивается, и ему совсем не нужно с ней на диване телевизор смотреть, а ему вот что, вот что нужно...

И когда он сделал это второй, а потом третий раз - все рухнуло, ничего не стало!

V.

Уже три дня как погода испортилась... Трудно было даже представить, что только что стояли такие ясные, такие прекрасные дни! Лило и лило, и барабанило по подоконнику, и текло по стеклам, и все было заполнено серой массой, тянувшейся от утра к вечеру и становившейся все более беспросветной.

Он лежал на диване одетый, укрывшись одеялом и сунув под голову подушку... Рядом на полу валялись мокрые туфли и носки. На работу он не ходил: поднялся с постели около двух часов, сходил в столовую, вымок весь до нитки и снова лег. Весь день его знобило, а после обеда он еще нехорошо заснул и проснулся с головной болью. К вечеру он совсем раскис, и представить даже себе не мог, как пойдет завтра на работу, а не идти было нельзя.

Пропустить денек-другой иногда разрешалось. Не то чтобы это было разрешено официально, но он чувствовал по всему, что начальство может посмотреть на такие вещи сквозь пальцы. Время от времени он пользовался этим... Но сейчас все обстояло иначе: проходил месячник борьбы за безопасность движения, от всех работников транспорта требовалась особая дисциплина. Повсюду сплошь он слышал о том, что с опозданиями и прогулами стало очень строго, и за малейшее нарушение могут уволить в два счета. Он же хорошо понимал, что значит для него быть уволенным: четыре стены и некуда идти; или улица - болтаться без дела, как он когда-то болтался...

Есть правда какие-то бюллетени. Но где их взять, никто их никогда ему не предлагал. Да и не поможет это сейчас. К его работе последнее время очень присматривались. Пропускать нельзя. Завтра надо встать и идти. Черт с ними, обойти хоть несколько троллейбусов.

Он пытался представить, как стоит на остановке, как входит в троллейбус, пытался увидеть площади, мимо которых будет проезжать, пытался вызвать в себе хоть какую-то симпатию ко всему этому, но чувствовал лишь отвращение; старался перестать думать о том, что будет завтра, и не мог. Все проблемы свелись для него к этой одной, неразрешимой задаче, и он чувствовал, что загнан в тупик....

Было около девяти часов вечера, когда дверь в его комнату открылась и на пороге появилась соседка...Она вошла в комнату, закрыла за собой дверь и какое-то время стояла, не зажигая света и ничего не говоря. Потом подошла к дивану.

«Почему ты лежишь одетый?» - он не ответил. –

«Ты что, заболел?» - он опять не ответил.

Она вернулась к двери и зажгла свет.

« У нас сегодня был суп-пюре из кур... Будешь?» О отрицательно помотал головой.

«Почему?»

« Не хочу.»

« А ты ел сегодня что-нибудь? » Он снова не ответил.

« Что-нибудь случилось?»

Она села на край дивана и поправила одеяло. Потом приложила ладонь к его лбу и посмотрела на мокрые туфли.

« Э, да у тебя, кажется, температура !... Господи помилуй, только еще этого еще не хватало... Тебе же даже переобуть нечего. Не вздумай завтра никуда выходить. Понял?...

Он мрачно смотрел перед собой и молчал. Потом сделал над собой усилие.

« Я должен завтра идти на работу.... »

« Нет, ты не пойдешь завтра на работу, у тебя температура, а с температурой никто на работу не ходит.»

« Меня уволят!»

« Нет, тебя не уволят... Больных не увольняют, такого порядка нет.»

« Я все равно пойду.»

Она молчала, что-то обдумывая.

« Вот что мы сделаем », сказала она наконец. « Ты завтра останешься дома, а я схожу туда и обо все договорюсь.... Я знаю, ты на хорошем счету.

Несколько дней тебе разрешат посидеть дома .»

« Как же ты сможешь это сделать, у тебя же нет таких полномочий?»

« С чего ты взял? Есть у меня полномочия. Все полномочия есть. Тебе что бумажку показать? Сейчас покажу.»

Нет, ему не надо было показывать бумажку, он никогда не верил во все эти бумажки. Что-то повернулось внутри него, начало таять, поплыло... Да, да, как же он не догадался раньше, конечно, у нее есть полномочия. Он даже знал откуда они: ей передала их его мать. У той тоже был большая власть, она могла многое взять на себя, от многого его освободить. Он только как-то отпал от нее в последние годы, хотел как-то сам ...

Прошло полчаса, а он все еще плакал, нисколько уже не стесняясь своих слез и своего дурацкого вида .

Она сидела возле него, глядя перед собой странным, остановившимся взглядом. Время от времени проводила рукой по его волосам, и когда он начинал всхлипывать сильнее, повторяла :

« Ну, хватит, хватит... Я все устрою. Все будет хорошо, все будет хорошо.»

1972 год. Москва,